

Нахоко Уэхаси

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ЗВЕРЕЙ ЭРИЮ

Сказание о девочке
и королевском звере

Восточный квест

Нахоко Уэхаси

**Заклинательница зверей
Эрин. Сказание о девочке
и королевском звере**

«Азбука»

2006

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Уэхаси Н.

Заклинательница зверей Эрин. Сказание о девочке и королевском звере / Н. Уэхаси — «Азбука», 2006 — (Восточный квест)

ISBN 978-5-389-35641-2

Эрин с детства мечтала лишь об одном: стать звериным лекарем, как мама. Возиться с тодами – огромными боевыми змеями, которых остерегаются даже взрослые. Девочка и подумать не могла, что ее мечте суждено сбыться, но совсем не так, как она предполагала. После череды трагических событий Эрин сбегает из дома и волею судьбы оказывается в академии Кадзарм, где ей поручают заботу о королевском одже – опасном крылатом звере. По правилам заклинания оджей привязываться к ним строго запрещено, но Эрин нарушает этот запрет. Когда представители знати узнают о девочке, которая сумела найти общий язык с оджами, она оказывается втянута в дворцовые интриги двух королевств. Теперь Эрин предстоит понять, кому из тех, кто рядом, можно доверять, и решить, как далеко она готова зайти, чтобы защитить королевского зверя. «Заклинательница зверей Эрин. Сказание о девочке и королевском звере» – первая книга цикла японской писательницы Нахоко Уэхаси, включающая две части оригинальной истории. Автор удостоена самой престижной международной награды в области детской литературы – премии имени Х. К. Андерсена, а сам цикл лег в основу одноименной манги и аниме. Впервые на русском!

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-35641-2

© Уэхаси Н., 2006

© Азбука, 2006

Содержание

Часть 1	7
Пролог	7
1 Похоронный свист тодов	7
2 Ариё – народ тумана	11
3 Мелодия матери	15
4 Дух зверя	20
Глава 1	23
1 Ребенок на берегу	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нахоко Уэхаси
Заклинательница зверей Эрин
Сказание о девочке и королевском звере

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА»,
2026

Издательство Азбука®

Часть 1

Сказание о тодах

Пролог

Мелодия матери

1 Похоронный свист тодов

Эрин проснулась от скрипа открывшейся двери. Еще не рассвело, и дома было темно. По тонкой деревянной крыше барабанил дождь.

Девочка едва разглядела силуэт мамы, моющей руки в умывальне с земляным полом. Закончив, женщина бесшумно дошла до спальни и скользнула под одеяло – от нее тянуло дождем и тодами.

Тоды – громадные боевые змеи – отдавали чем-то сладковатым, мускусным. Так пахла слизь, покрывавшая их чешую, поэтому аромат сопровождал их и всадников везде, куда бы те ни направлялись.

Он был знаком Эрин с рождения – он окружал ее маму, которая ухаживала за тодами.

– Мам, там гроза?

– Она далеко, в горах. Не переживай, спи.

Эрин вздохнула и закрыла глаза. Она представляла, как мать своими бледными руками медленно и аккуратно поглаживает тодов по спине. Девочке нравилось наблюдать, как та спокойно, но всегда сосредоточенно смотрит на этих гигантских существ.

Она ухаживала не за всеми тодами, а только за авангардом – Клыками. Их задача, как самых мощных существ, – атаковать врага на ключевых позициях. Подруги девочки, Садз и Чок, имели влиятельных отцов, но даже им не разрешалось входить в каменные кельи, где отдыхали Клыки. Эрин очень гордилась тем, как высоко ее мать, лекаря зверей, ценят слуги тодов.

Девочка всегда следовала за мамой, когда та шла к загадочным ящерам. Дома Эрин надо было шить, таскать воду – но она откладывала все дела на потом. Ей тоже хотелось прикоснуться к змеиной чешуе, хотя мать настрого запретила это делать.

– Тоды – жуткие создания. Если почувствуют, что ты рядом, вмиг разорвут тебя надвое, а затем съедят целиком, – спокойным голосом предостерегала она, неотрывно глядя на огромных существ, плавающих в темном пруду. – Ты видела, как я запросто поглаживаю их по спине. Но это впечатление обманчиво. Тоды никогда не привыкнут к людям... Дрессировке они тоже не поддаются. И у нас, слуг тодов, и у военных есть особые флейты. Они издают неразличимые для человеческого уха звуки, от которых тоды цепенеют. – Мама показала Эрин крошечный инструмент – он целиком помещался в ладони.

Девочка много раз видела, как мать подносила его к губам. У военных были такие же – на тренировках всадники использовали их одновременно, и тоды замирали на месте, будто каменные изваяния. Тогда наездники быстро запрыгивали им на спины, карабкались к голове и хватали зверей за два длинных рога. Так бойцы управляли животными и не давали им опуститься под воду.

На передних и задних лапах тодов росли острые когти, а перемещались чудовища даже быстрее лошадей. На земле эти существа скорее напоминали драконов, но, оказываясь под водой, плотно прижимали конечности к туловищу и извивались, точно змеи. Стрелы отскаки-

вали от крепкой чешуи, поэтому в бою тоды врывались прямо в центр вражеского построения и уничтожали конницу противника – ящеры были жестокими созданиями.

Когда в дикой природе они откладывали яйца, слуги тодов забирались в гнезда и вытаскивали оттуда одно-два. Затем из них вылуплялись детеныши – и им сразу, пока те не выросли, удаляли чешуйки, закрывающие ушные каналы. Эрин однажды видела, как мама это делала.

– Так им не удастся уберечься от звуков тихой флейты, – учила она.

Взобравшись на зверей, всадники защищали их слуховые отверстия пластинами из чешуи, чтобы враги не могли обездвигить тодов с помощью своих флейт.

Мать бессознательно крутила инструмент в руке. Ее взгляд почему-то был мрачным и печальным.

– Если в пятнадцать, когда повзрослеешь, не потеряешь интереса к тодам, я подумаю о том, чтобы научить тебя обращаться с ними.

В голосе мамы чувствовалась пустота. Эрин промолчала, хотя и не понимала, зачем ждать еще пять лет. Да и как вытерпеть столько времени? Ведь каждый день ее мысли были заняты огромными змеями и их переливающейся на свету броней, к которой так хотелось прикоснуться.

Когда девочка рассказала об этом Садз и Чок, они назвали ее чудной.

– Другие девчонки приходят в ужас, стоит им увидеть тодов. Мы бы тоже и близко к ним не подошли.

Тоды и вправду были жуткими созданиями, Эрин тоже их побаивалась.

Но... когда девочка наблюдала за ними, то теряла счет времени, не особо понимая, почему так происходит. Она испытывала неподдельный страх, глядя на чудовищ, медленно исчезающих в глубине грота и вновь всплывавших к поверхности темной воды. Эта картина прорабатывала ее до мурашек, но Эрин была не в силах оторвать глаз.

Она проводила так целые дни.

Девочка задумывалась: а засыпают ли тоды с наступлением сумерек? Она всегда хотела сходить с мамой на ночное дежурство, но ни разу не сумела вовремя подняться. Как только Эрин слышала, что мама начинает собираться, девочка пыталась проснуться, но ее веки будто склеивались сами по себе, и открыть глаза никак не удавалось.

Сейчас она вновь погрузилась в глубокий сон, даже быстрее, чем мама.

Сколько же Эрин спала?..

Девочка подскочила на кровати от резкого и тянущегося свиста. Мама откинула одеяло и тоже встала. Похоже, время близилось к восходу – в доме было гораздо светлее, и Эрин ясно видела очертания фигуры матери.

Звук все не затихал: он напоминал скрип металла, скрежет зубов. Девочка закрыла уши руками.

– Мам! Что это за шум?!

Женщина не ответила и принялась быстро одеваться.

– Оставайся здесь, – наконец приказала она и, натянув плетенные сандалии – надевать кожаные ботинки пришлось бы слишком долго, – поспешила на улицу.

Но Эрин не могла просто сидеть на месте и ждать.

Свист разносился по всей округе, слышался здесь и там. Эрин не понимала, что происходит. Она накинула плащ поверх пижамы и выбежала наружу, торопясь догнать маму.

Дождь перестал, земля под ногами превратилась в грязь, и сандалии то и дело в ней увязали. Двери соседних домов оказались распахнуты: все спешили к скале на востоке – там в пещере, в каменных кельях, спали тоды. Оглушительный свист, похоже, раздавался оттуда.

Вход в пещеру выглядел так, словно кто-то громадный разорвал серую каменную глыбу голыми руками. Ближе к земле трещина расширялась настолько, что внутрь могли одновременно пройти несколько взрослых, даже не задевая друг друга.

Рядом стояли ночные дозорные. Свист явно пугал солдат: они то и дело беспокойно заглядывали внутрь. Но, заметив мать Эрин во главе остальных слуг, стражники выдохнули и отступили в сторону.

За входом начинался коридор. Путь освещали факелы, установленные через каждые десять шагов. Свет пламени отражался от влажных каменных стен.

Пройдя дальше, люди оказывались в зале – большой пустой пещере, от которой в стороны отходило множество маленьких туннелей. Все они вели в каменные кельи – крупные гроты. В каждом из них был глубокий пруд, где жили тоды. В одном бассейне их содержалось не больше десяти – иначе они начинали драться и поедать друг друга.

Бесчисленные кельи построили триста лет назад. Неизвестно, как предки выдолбили в скале эти длинные шахты и огромные водоемы. Последние соединялись каналами, которые обычно были перекрыты деревянными створами. Их поднимали, чтобы выпустить ящеров в бой или на тренировку, но перед этим чудовищ седлали наездники.

Пронзительный свист доносился из глубины пещеры, раздавался сразу из многих коридоров. Он отражался от каменных стен и в закрытом пространстве только усиливался, поэтому вошедшие в зал разом зажали уши и стиснули зубы.

По обеим сторонам каналов пролегли проходы, и мать Эрин, ничуть не беспокоясь за свой слух, ринулась к одному из них. Путь был едва освещен, но она знала, куда бежала: к келье Клыков.

Эрин с трудом догнала ее в одной из пещер. Там уже собрались и другие слуги. Они застыли на месте, будто статуи, и девочка едва смогла протиснуться через них к водоему. Ее глазам открылось невиданное зрелище.

На поверхности темного пруда плавали несколько громадных туш. Одной из них, зайдя в воду по грудь, мама касалась рукой.

Через пару секунд Эрин сообразила, что перед ней, – и замерла.

– Клыки!

Она кинулась к матери, но кто-то вдруг схватил ее за плечо. Девочка обернулась – перед ней стоял ее дед. Его лицо окаменело.

– Мертвы? – спросил он, глядя на невестку.

Мама кивнула.

– Все пять?

Она снова кивнула.

Только теперь девочка заметила, что свист прекратился. Ему на смену пришла тишина, которую тут же прервал приближающийся топот – в пещеру прибежали еще трое слуг.

– Клыки в соседней келье тоже погибли! – доложил один из них.

Дед сильно сжал плечо Эрин – да так, что ей стало больно.

– А остальные?

– Спины и Хвосты целы и невредимы. Перестали свистеть, правда пока не успокоились – всё плавают взад-вперед. Но они в порядке.

Дед оглядел слуг.

– Разойдитесь по кельям, за которые отвечаете, – строго приказал он. – Если тоды и дальше будут плавать кругами, они могут пораниться о камни. Следите, чтобы этого не произошло – больше нельзя потерять ни особи!

Слуги одновременно кивнули и поспешили в туннели. Дед убедился, что все ушли, и шагнул к черной воде:

– И что здесь произошло?

Мама на него даже не взглянула: она приподнимала чешуйки тодов и заглядывала под них.

– Пока не знаю.

– Может, задохнулись? Из-за васю.

Так назывались светящиеся насекомые, покрывавшие стены пещеры.

– Нет, признаков удушья нет. Васю прилетели уже после смерти тодов.

– А вода нормальная? Мы же в бассейн Клыкам отвар из целебных трав добавляем – может, в нем проблема? Во время обхода ничего странного не заметила?

Мама молча покачала головой.

Дед смотрел на нее, долго и неотрывно, но наконец снова заговорил:

– Гибель всех Клыков... тяжелейший проступок. Скоро здесь будет эmissар арухана: проведет свое расследование и вынесет приговор.

Женщина медленно повернулась к нему.

– Я готова, – едва слышно ответила она.

Дед стиснул кулаки.

– Как же, готова! – раздраженно повторил он. – Знаешь, Соён, я ведь тоже должен быть готов! С меня спросят еще строже – как с главы слуг, как с твоего свекра, в конце концов. Посланнику будет интересно узнать, почему я поставил кого-то из ариё заботиться о Клыках, жемчужинах арухана.

Каждое его слово было наполнено злобой.

– Если бы не последнее желание Ассона... Если бы ты не выносила в себе его дитя... – тихим голосом начал он, но остановился и покачал головой. – Нет, дело не только в этом. Ты и правда невероятный лекарь. Поэтому я пошел против всех и исполнил предсмертную волю сына. И вот чем все кончилось...

Бросив последние слова, он отвернулся и пошел прочь из пещеры.

Эрин упала на колени. Ее ноги дрожали так сильно, что она была не в силах встать.

– Все в порядке.

– Но дед сказал...

– Все хорошо.

Мама провела рукой по застывшему телу ящера.

– Это лишь слова. Во времена его отца такое уже случалось – тогда тоже погибли все Клыки. Они крупнее и сильнее других тодов, но уязвимее к болезням. Это все знают.

Женщина не отводила взгляда от застывших существ, будто забыв, что стоит по грудь в холодной воде. В ее глазах читалась не просто печаль – душевная боль. Эрин еще долго сидела рядом с матерью, слушая, как где-то вдалеке переговариваются слуги тодов, а та все смотрела на мертвых змеев.

На свет факелов из трещин в камне повылезало множество насекомых. Многие уже кружили над телами.

Девочка вдруг спросила:

– Мама, а почему тоды теперь пахнут иначе? Из-за того, что умерли? Или это запах болезни?

Мать резко повернулась к ней, словно от удара. Эрин даже испугалась.

– Почему... ты так решила?

В ответ девочка моргнула.

– Ну... Просто от тодов обычно исходит другой запах... И кстати, может, именно он и привлек всех этих насекомых...

Соён неподвижно стояла в воде, не сводя глаз с дочки.

– Так, а дальше? – почти шепотом спросила женщина.

– Васю обычно живут в воде, иногда поднимаются в воздух, но всегда снаружи – в кельях я их никогда раньше не встречала. Помнишь, ты мне рассказывала, что разные цветы своими ароматами привлекают разных насекомых? И я подумала: а вдруг васю приманил изменившийся запах тодов?

Женщина как будто была не в силах ответить.

– Ты... – удивленно начала она, но тут же остановилась, опустив голову, потом тихо продолжила: – Эрин, никому не рассказывай о своих догадках.

– Почему?

Мама улыбнулась:

– Многие люди привыкли доверять своему чутью, хотя зачастую оно их подводит. Они наверняка решат, будто ты все выдумала, чтобы меня защитить, поэтому осудят и тебя тоже.

Эрин нахмурилась – она вроде бы и поняла, что пытается сказать мама, но не до конца. Было ощущение, словно ей чего-то недоговаривают, – но почему оно возникло, девочка не знала.

Соён устало ухватила руками за каменный край бассейна и стала выбираться из воды. Эрин торопливо подбежала к маме и потянула ее вверх, вцепившись в одежду, холодную как лед.

– Спасибо, – пробормотала женщина и вдруг с неожиданной теплотой погладила дочку по голове.

Затем Соён снова повернулась к бассейну с мертвыми телами, села на колени и коснулась головой пола. Она еще долго оставалась в таком положении. Вода с ее вымокшей одежды стекала на каменный пол, и тот становился все темнее и темнее.

2 Ариё – народ тумана

Когда Эрин с мамой вышли из общественной бани, закатное солнце уже тонуло за горными вершинами. Сегодня был долгий день.

Почти весь его Соён провела вместе с другими слугами в зале в пещерах. Завтра должен был приехать посланник, и, чтобы помочь ему в деле, люди собирали свидетельства случившегося.

Эрин очень переживала за мать. К обеду она так и не вернулась, поэтому мама Садз – они жили по соседству – покормила девочку у себя.

Соён и остальные слуги, изможденные, вышли из келий только ближе к вечеру. Эрин встретила маму у входа в пещеру – та молча взяла дочку за руку, и они направились домой. Там женщина переоделась, и затем они вместе, как и всегда, пошли в общественные бани.

Слуги тодов проводили в холодных бассейнах с ящерами весь день, вот почему баня в деревне была необходимостью. Чтобы при пожаре огонь не разошелся, ее возвели на западной оконечности поселения – ежечасно там жгли прорву дров.

Эрин с мамой всегда мылись последними, после остальных слуг. Прежде девочка не задумывалась почему, но сегодня, когда они остались в пустой бане вдвоем, она невольно задалась этим вопросом. Казалось, между ними с мамой и остальными жителями деревни была какая-то бездонная пропасть.

В лицо им, конечно, ничего не говорили, но где-то в глубине души Эрин чувствовала: к ней относятся по-другому. Только теперь ее смутные догадки обрели форму.

Бабушка и дедушка Садз, например, очень любили свою внучку. Всей семьей они ютились под одной крышей, и к подруге часто навещали двоюродные братья и сестры.

Эрин с мамой жили отдельно от бабки с дедом. Дед, глава слуг тодов, всегда казался девочке пугающим. Бабка по праздникам угощала внучку моти, но ни разу не удостоила ее хотя бы улыбки.

У Эрин тоже были тети и дяди, двоюродные братья и сестры, но ни с кем из них она не была близка. Девочка видела, как бабка с дедом легко общались со всеми, кроме нее и мамы. Эрин это удивляло, но она чувствовала, что спрашивать об этом нельзя даже у матери.

Соён не была похожа на остальных жителей деревни – она отличалась от них высоким ростом, чертами лица, цветом глаз. Эрин не помнила, когда впервые обратила на это внимание.

– Эрин, а у всех ариё зеленые глаза, как у вас с мамой? – как-то спросила Садз и потом шепотом, со страхом в голосе, добавила: – А ты умеешь колдовать? Все в деревне говорят, что с ариё нельзя заводить детей, и называют вас акун-мэ-ча – укушенными демоном. Он тебя правда покусал?

Эрин тогда не ответила и лишь улыбнулась. Сердце подсказывало ей просто пропускать такие фразы мимо ушей. Никто девочку не учил, но она понимала: если продолжит прикидываться наивной и глупой, им с мамой будет проще.

Соён и Эрин наблюдали, как солнце опускается за горную гряду вдалеке. Девочка украдкой оглянулась на мать.

«Мама, а ты правда из ариё? Кем был мой отец? Я – акун-мэ-ча?» – все эти вопросы крутились у Эрин на языке, но задать их она не могла.

Мама, до этого задумчиво смотревшая на небо, повернулась к дочке, будто почувствовав ее взгляд.

– Устала? – улыбнулась она. – Давай на ужин приготовим кабанину.

Эрин застыла от удивления – кабанина в соевых бобах считалась праздничным блюдом.

– Правда? Правда-правда?!

– Да. Сегодня был тяжелый день, да и завтра будет не легче. Поэтому вечером надо подкрепиться как следует.

Они вернулись домой. Мама велела Эрин развести огонь в очаге, а сама направилась в кладовую и спустя пару минут вернулась оттуда с небольшим мешком.

– Что это?

– Рис у нас уже промытый, поэтому сразу ставь на огонь. Вернись, когда он будет готов. – На вопрос дочери Соён так и не ответила и ушла к соседям – семье Садз.

Мамы долго не было, но, когда запах готового риса уже начал заполнять комнату, Соён появилась, как и обещала.

– Вот это аромат... – женщина опустилась на колени у очага. – Сейчас приготовлю мясо. Ты, наверное, уже проголодалась.

Но встать она не торопилась и задумчиво смотрела на пламя. Вдруг Соён достала тихую флейту и бросила ее в очаг: один едва слышный стук – и та занялась пламенем.

– Ты чего! – испуганно вскрикнула Эрин, но маме, казалось, было все равно, она не спеша встала и погладила дочь по голове.

– Прости... – вдруг, понизив голос, извинилась Соён. – Я жалею о многих своих поступках... Но сейчас чувствую только облегчение – оттого, что больше никогда не придется ею пользоваться.

Эрин была в смятении.

– Но почему? Мне казалось, тебе нравится ухаживать за тодами.

Мама покачала головой.

– Заботиться о тодах – да, нравилось, но то, чем приходилось заниматься мне, – нет. Я возненавидела этот инструмент, – тихо ответила Соён, аккуратно поглаживая волосы дочери. – Ужасно видеть, как тоды застывают, стоит извлечь звук из флейты. Столь сильные звери так легко оказываются во власти человека – это жалкое зрелище. В природе они живут как хотят, а в неволе – только слабеют. На это больно смотреть.

Женщина будто говорила сама с собой.

– Разве тодам плохо с людьми? – спросила Эрин. – Мы ведь даем им особый отвар, и они становятся даже сильнее.

– Благодаря отвару у Клыков быстрее растут кости. Но у всего есть цена...

– Какая?

Мама положила ладонь дочке на голову и задумалась.

– Я и так рассказала слишком много, – с горечью ответила она. – Забудь, о чем я сейчас говорила. Остальные слуги ничего об этом не знают, поэтому ты навлечешь на себя беду, если станешь много болтать... Ни с кем не делись.

Эрин нахмурилась: мама часто твердила ей подобное.

– Хорошо, буду молчать, но тогда расскажи: что за цена такая?

Мама на секунду задумалась.

– Ладно, постараюсь. Тоды, живущие на воле, развиваются как положено. Но Клыков мы содержим в других условиях. Дальше попробуешь сама догадаться? Только когда придешь к ответу, об этом – никому. Молчи, пока не поймешь, почему о таком лучше не говорить, – Соён потрепала дочку по волосам. – Ну, иди доставай мясо.

Эрин вытащила из глиняного горшка кабанину и счистила с нее бобы, а мама тем временем сделала в золе углубление и выложила его сладкими листьями дерева лакос.

– Зачем это? – удивилась девочка.

Мама улыбнулась:

– Скоро увидишь.

Соён выложила куски мяса на листья, сверху поместила уже очищенные плоды лакоса, а потом приправила горстью той – острых бобов. Затем стянула края листьев вместе – вышло что-то наподобие конверта – и быстро присыпала золой.

Когда у Эрин от голода уже сводило живот, мама наконец достала сверток из-под золы и переложила на большую тарелку.

Соён развернула листья, и комната наполнилась сладким ароматом.

– Ого...

Запеченная кабанина стала мягкой, а плоды лакоса и бобы той превратились в сладкую глазурь с легкой остринкой. В каждом кусочке чувствовался яркий, насыщенный вкус.

– Ну как тебе?

Эрин, не отрываясь от еды, быстро закивала, и на мамином лице мелькнула улыбка.

– Добавь еще подливку. – Она аккуратно приподняла листья, полила рис скопившимся на них бульоном – и стало еще вкуснее.

– Листву лакос не сбрасывает, поэтому ее можно найти даже зимой на солнечных склонах. Когда я жила в горах, мы часто использовали эти листья вместо посуды. А еще, если запекать в них дичь, они впитывают все неприятные запахи, а свой исходный аромат передают мясу.

Эрин остановилась: она впервые слышала, чтобы мама рассказывала о собственном прошлом. Вид у нее был на удивление умиротворенный. Девочке захотелось побольше ее расспросить.

– Мам... Ты же выросла не в деревне? А где?

Эрин очень волновалась – сердце забилось чаще.

– В разных местах, я много путешествовала, – ответила Соён, заметив напряжение дочери. – Знаю, я об этом никогда не говорила, но и ты не интересовалась... Боялась спрашивать?

Девочка кивнула, и мать кивнула в ответ.

– Пожалуй, ты уже достаточно взрослая, чтобы я могла с тобой поделиться. Хорошо, сегодня узнаешь побольше обо мне и о своем отце. – Она поставила тарелку себе на колени. – Ты же слышала, как дед сегодня сказал, что я из народа ариё? Кого ты представила? Деревенские считают нас таинственными высокими странниками, которые появляются из тумана

и в нем же исчезают. Для них мы прекрасные лекари, владеющие секретными знаниями, но поклоняющиеся неизвестным богам, поэтому нас тут побаиваются. У тебя в голове наверняка возникают похожие образы?

Эрин чуть кивнула, и мама улыбнулась одними глазами.

– Другие народы и правда видят ариё такими... Они почти ничего о нас не знают, ведь мы не ведем оседлый образ жизни, а кочуем с места на место. Ради сохранения нашей культуры. Вообще, слово «ариё» не мы придумали – нас так прозвали по ошибке. «А» – «туман», «риё» – «народ». Это было вполне созвучно нашей загадочности, поэтому слово быстро распространилось и закрепилось, хотя правильное название – аоро. «Ао» – «запрет», «ро» – «страж».

– Запрет?

– Давным-давно люди совершили страшную ошибку и, чтобы не допустить ее вновь, придумали Запрет. Мама учила меня, что сохранение Запрета нужно ставить выше собственной жизни, даже выше семьи. Поэтому мы и называли себя аоро.

– А что это была за ошибка?

Соён на секунду задумалась, будто подбирая правильные слова.

– Ее последствия оказались столь ужасными, что и люди, и тоды едва не погибли. Поэтому мои предки дали клятву охранять Запрет, чтобы люди не ошиблись вновь. Аоро не служат ни ёдзэ – королеве, ни арухану – великому князю, они странствуют в горах и полях, наблюдая за тем, чтобы никто не нарушил Запрет. Вот уже многие поколения аоро с самого рождения подчиняются строгим правилам... Согласно им, нельзя вступать в брак с людьми других народов, нельзя где-то оседать... – горько улыбнулась женщина. – Я их нарушила: встретила твоего отца и осталась жить в этой деревне. Поэтому больше не могу зваться аоро.

Эрин моргнула.

– Ну а... а где сейчас твои родители?

– Отец умер, когда я была еще ребенком. А мать... наверное, до сих пор скитается.

Девочка не знала, что ответить, и только удивленно смотрела на маму. Эрин не понимала ни сути Запрета, ни этих странных правил. Почему мама поступила неправильно, встретив Ассона и оставшись с ним жить в деревне? И почему из-за этого теперь не могла воссоединиться со старой семьей?

– Плохо объяснила, да? – спросила Соён, заметив, как нахмурилась дочка в попытках найти ответы.

– Ага...

– Ясно... Ну, когда подрастешь, вспомни наш разговор и, возможно, поймешь больше, чем сейчас.

Соён подозвала Эрин – та убрала тарелку, встала и устроилась у мамы между колен. Она крепко обняла дочь, прямо как в детстве.

– Я встретила твоего отца, когда собирала травы у скал Сэмок. Тогда там росли чачим – их легко найти по фиолетовым цветам, они помогают при проблемах с пищеварением. Я поднималась в гору и наткнулась на склоне на молодого мужчину.

– Это был папа?

– Да. Он охотился, но поскользнулся и упал.

– И поранился?

– Да. Сильно ударился головой и сломал ногу.

– И ты ему помогла?

Соён улыбнулась и потрепала дочку по волосам.

– Конечно. Так мы и познакомились. Ассон не был похож на своих родителей... Он был добрым. Молчаливым, но, когда улыбался, его лицо становилось таким светлым... В эти моменты он напоминал мне солнце, вышедшее из-за туч. Ты похожа на своего отца... Рядом с тобой мне тепло, – закончила мама и с силой прижала к себе Эрин.

3 Мелодия матери

Почти вся деревня собралась у дома старосты. Эрин, не в силах пошевелиться, стояла перед зданием. Чуть впереди стояли слуги тодов, среди них и Соён. Все жители с тревогой наблюдали, как к ним подъезжал всадник в сопровождении копейщиков.

Посланник великого князя, в красном плаще, с грудой украшений и черном уборе канмури, приблизился к слугам, но спешиваться не стал – лишь взирал на них с презрением.

– Это правда, что все десять Клыков, жемчужин арухана, мертвы?

Дед Эрин шагнул вперед и низко поклонился:

– Это правда. Мы глубоко сожалеем.

Каратель прищурился.

– Кто за них отвечал?! – вдруг прикрикнул он, и Эрин вздрогнула от неожиданности. – Встать передо мной!

Мама вышла вперед, сложила ладони у груди и поклонилась:

– Это я.

У посланника округлились глаза.

– Что?.. Она из ариё?! – с отвращением вскрикнул он, повернувшись к деду. – Как ты посмел поставить ариё заботиться о жемчужинах великого князя?!

– Прошу прощения, – начал дед, его лицо застыло. – Но она превосходный лекарь...

Посланник вдруг взмахнул кнутом, которым прежде подгонял коня, и ударил деда по голове – брызги крови разлетелись по сторонам. Дед прикрыл рану рукой, но с места не сдвинулся.

– Превосходный лекарь, значит?! Еще бы! Они же с детства колдовством занимаются! Но послушай теперь меня: чтобы заботиться о тодах, недостаточно быть хорошим врачом. Куда важнее хранить верность арухану! И как глава слуг этого не знает?!

Дед впервые с начала встречи поднял взгляд на посланника:

– Позвольте сказать. Она живет с нами уже десять лет, вышла замуж за моего сына и давно стала частью нашей деревни. Она больше не подчиняется правилам ариё и клялась в верности арухану.

Каратель презрительно усмехнулся.

– Много ты понимаешь! Ариё ставят свои правила выше всего. Даже своих детей жизни лишат, если те их нарушат, – пояснил он, злобно поглядывая на Соён. – Ну и почему под твоим надзором погибли все Клыки? Если ты и правда превосходный целитель, то наверняка уже выяснила причину. Поделись же!

– Разрешите объяснить, – твердо начала мама. – Клыки умерли от отравления.

Все, даже посланник, вдруг смолкли.

– Что?.. От отравления? – нахмурился он. – Ну и чушь! Или ты так пытаешься сказать, что сама подсыпала им яду?!

Женщина покачала головой:

– Нет. Все слуги знают, что в особом отваре, который дают Клыкам, содержатся сильные вещества. Тела тодов покрыты слизью – она защищает их от пагубного воздействия этих элементов. Поэтому отвар ящерам не вредит, а помогает. Во время последнего утреннего обхода я заметила, что слизистый покров на чешуе Клыков местами стал тоньше. Но за ночь до этого, вечером, я ничего странного не увидела, поэтому разлила отвар, как и всегда...

Эмиссар прищурился:

– Хочешь сказать, что-то произошло за несколько часов? И что же?

Соён устремила взгляд в пол:

– Я не знаю.

В воздухе повисла тяжелая тишина. Ее прервал каратель – он резко повернулся к стоявшим у него за спиной солдатам:

– Взять ее! Приговор вынесем после допроса!

Эрин стало трясти, сердце сжалось от острой боли.

– Мама! – Она рванулась к Соён, но мать Садз, стоявшая сзади, остановила девочку.

– Не надо. – Женщина большой ладонью прикрыла Эрин рот.

Мама Садз была крупной и сильной, и девочке не удавалось освободиться из крепкой хватки, сколько бы она ни старалась. Сквозь слезы Эрин увидела, что маму связали и увели.

Как прошли следующие три дня, девочка почти не помнила.

Она узнала, что Соён заранее договорилась с соседями, чтобы о дочери позаботились, – за это мама отдала им часть своих сбережений. У Эрин, конечно, были бабка с дедом, но и мама, и родители Садз понимали, как те отнесутся к своей внучке.

И семья Садз, и сама девочка старались обходиться с Эрин как можно мягче, но для нее самой вся эта забота казалась чем-то призрачным. Ее снедали тоска и страх за маму.

Ночью третьего дня, когда девочка возвращалась в спальню из уборной в дальней части сада, она услышала, как родители Садз переговаривались у себя в комнате. Внимание Эрин привлек женский голос, непривычно взволнованный.

– Так, значит, на рассвете она предстанет перед судом тодов?!

– Ш-ш, не так громко! Что, если дети еще не уснули?!

Женщина понизила голос, но быстро распалилась, и ее снова стало слышно даже в саду.

– Разве это не слишком суровое наказание? Смертная казнь, еще и такая жестокая...

Отец Садз что-то тихо ответил жене, и она опять громко заговорила:

– А... Теперь понятно. Выходит, посланник боится, что ему самому придется отвечать перед аруханом за гибель Клыков, если объяснения этому не найдется? Вот почему он решил обвинить во всем Соён... Но все равно отдавать ее тодам на растерзание просто ужасно...

Дослушивать Эрин не стала. Тихо ступая, она пробралась на задний двор дома Садз, пересекла небольшую рощу и побежала к своему жилищу. Лунный свет освещал ее путь.

Эрин задыхалась: казалось, чьи-то холодные руки сдавливали ей сердце. Она должна была помочь матери – иначе завтра утром ее разорвут тоды.

Судом тодов, от которого даже у взрослых леденела кровь, называлась казнь. Такая судьба ждала предателей и противников власти арухана. Осужденного скручивали по рукам и ногам и, привязав к путам тяжелый камень, сбрасывали в пруд Раго, где обитали тоды.

Наконец Эрин добралась до дома. От земляных полов веяло холодом, и она задрожала. Нужно было спешить: как только семья Садз поймет, что девочка сбежала, они кинутся на поиски и, когда найдут ее, будут держать у себя до окончания казни.

Эрин знала, где находился Раго, – место располагалось довольно далеко от деревни. Но была еще ночь – если поторопиться, можно успеть к самому началу казни.

Девочка сняла со стены кинжал матери. Тот оказался тяжелее, чем Эрин предполагала, и она едва его не уронила. Мать использовала кинжал во время операций, чтобы разрезать чешую тодов, – с веревками он точно должен был справиться.

Эрин планировала затаиться у берега, дожидаться, когда мать скинут в пруд, доплыть до нее и, наконец, перерезать путы.

Девочка спрятала кинжал за пазухой и сняла с полки фонарь. Огонь в очаге давно погас, а пепел остыл. Эрин достала огниво и принялась торопливо высекать искру – и вскоре свет фонаря залил холодную комнату. Девочка сменила сандалии на кожаные сапоги и выбежала на улицу.

Стояла весна. Небо на востоке уже едва заметно голубело, но природа еще мирно спала. Эрин, кусая губы, начала свой длинный путь.

Ночь была долгой. Девочка без остановок шла по горной тропе, но казалось, той не будет конца. Неподалеку то и дело раздавался вой диких зверей.

– Мама, мама... – не переставала шептать Эрин.

«Если спасу ее...»

Она уже тысячу раз спросила себя, что будет после.

«Уйдем из деревни и будем странствовать. Ведь раньше мама так и жила...»

Эрин представляла, как они вместе пересекают горы и долины, останавливаются на ночлег в далеких городах, вспоминала ужин с кабаниной и тепло матери. Так горная тропа становилась менее пугающей.

Вскоре лес закончился, и перед Эрин раскинулось поле камышей. Небо уже окрасилось в серо-голубой, и на горизонте проявлялась тонкая красная нить – приближался рассвет.

Эрин начала пробираться сквозь заросли, как вдруг где-то рядом загремели барабаны – казалось, даже воздух и тело девочки задрожали от их стука. Утки в ужасе от внезапного шума одновременно взмыли в небо.

Бой все не прекращался. Из-за высокого камыша Эрин не видела, откуда именно доносится звук, но понимала: мама находится там же.

И тут девочке пришла пугающая мысль: что, если казнь начнется, как только прекратится музыка? Значит, в ту же секунду маму скинут в воду.

Ритм ускорился, и сердце Эрин сжалось. Она пыталась бежать туда, откуда доносился бой, но ее ноги вязли в болотистой почве, и каждый шаг давался с огромным трудом. Пытаясь найти хоть какую-то опору, девочка хваталась за камыши, их стебли и острые листья – она порезалась, но все равно продолжала двигаться вперед. Когда барабаны затихнут, Эрин должна быть рядом с матерью.

Из-за горизонта показалось солнце, и вокруг вдруг стало светло. Камыши закончились, перед девочкой открылся серебристый водоем – он простирался куда-то за горизонт. Эрин вспомнила, как мама рассказывала, что эти пруды и озера соединяются реками и тянутся далеко на запад, до самой окраины владений ёдзэ.

У пруда солдаты развернули временный лагерь. Некоторые из них били в барабаны. Другие тащили к берегу маленькую лодку. Рядом стояла группа мужчин, наблюдавших за всем со стороны, – высокопоставленные слуги тодов, среди которых был и дед. Там же Эрин увидела и посланника князя, снова верхом на лошади.

Еще пара секунд – и из палатки поблизости вывели Соён. У девочки перехватило дыхание, она застыла на месте. Мать была перепачкана кровью, руки стянуты за спиной, а к ногам толстой веревкой был привязан булыжник. Ее под локти тащили двое солдат. Эрин с трудом сдержала крик – в груди у нее кипела не обида, а злоба.

Девочка увидела, как солдаты посадили мать в лодку и оттолкнулись от берега, и достала кинжал.

«Доплыву ли?»

Лодка уже была довольно далеко от берега, но Эрин уверила себя: она обязательно доберется. Девочка примяла камыш, сняла сапоги и уже собиралась шагнуть в воду, как вдруг поняла: если придется держать нож, грести не получится.

«Спрятать обратно за пазуху? А если выпадет?»

Мысли Эрин путались, а лодка тем временем все удалялась. В отчаянии девочка сунула кинжал в рот, вцепилась в рукоятку зубами и кинулась в холодную воду.

Дышать так было практически невозможно. Эрин старалась держать голову над водой и хватать воздух носом, но тяжелое лезвие тянуло ее вниз.

Вдруг барабаны замолкли – солдаты сбросили мать в воду и поспешили к берегу.

Соён пропала из вида, но через секунду ее голова показалась из-под воды. Эрин, с ножом в зубах, торопилась к матери.

– Что там? Щенок? – удивился один из солдат, стоявших на берегу.

– Нет, не похоже... Это ребенок! – догадался его товарищ. – У него что-то в зубах!

– Нож! Хочет освободить преступницу!

– Подстрелить? – обратился к посланнику лучник.

Каратель, не спускаясь с коня, приставил ладонь ко лбу и, прищурившись, стал пристально наблюдать за барахтавшейся фигуркой.

– Нет нужды, – усмехнулся он. – Гляди!

Рядом с жертвой на воде начали возникать круги – все ближе и ближе. Тодам бояться было нечего, но какими бы огромными ящеры ни были, они всегда сначала окружали добычу, скрываясь под поверхностью, и только потом нападали.

– Мы разбудили ящеров барабанным боем, и теперь они учуяли подношение.

Эрин показалось, что ее дед от изумления приоткрыл рот. Его десятилетняя внучка пыталась спасти мать от неминуемой гибели – это зрелище, видимо, тронуло даже его.

«Нет, это к лучшему. Девочка – акун-мэ-ча. Для нее исчезнуть вместе с матерью – счастливый конец. Дитя запретного брака, грязнокровка... Своим рождением она принесла лишь проблемы, и только так они исчезнут. Ей еще повезло...» – все убеждал себя старик, но чем больше сжималось кольцо темных силуэтов вокруг Эрин и Соён, тем сильнее его бросало в холод.

Соён отчаянно пыталась держать лицо над водой – лишь бы не задохнуться. Дно было не очень глубоко, но ногами до него она все же не дотягивалась. Привязанный камень, похоже, лежал внизу, потому что тяжести Соён больше не ощущала. Чтобы приманить тодов, палачи оставили ей глубокий порез на животе – оттуда сочилась кровь, и женщина чувствовала, как вместе с ней ее покидают силы.

Из-за постоянного биения в висках Соён уже с трудом открывала глаза, но тут она заметила нечто ужасное.

Эрин. Дочь плыла прямо к ней. И во рту она что-то держала – кинжал!

Как только Соён поняла, что делает ее малышка, в горле образовался ком, на глазах выступили слезы.

– Эрин!

Быстро задвигая связанными ногами, она попыталась подплыть поближе к дочери.

Эрин все еще боролась с весом кинжала – слишком уж тот был тяжелым. Она держала его в зубах, рот ее давно наполнился слюной, и девочка не могла нормально дышать. Еще секунда – и она взяла нож в правую руку, теперь гребя только левой.

– Эрин, меня связали! Хватайся за плечо!

Как только маленькая ладонь коснулась Соён, за спиной дочери из-под воды показалось что-то темное – спины тодов.

Бесчисленные ящеры окружали добычу и, пристально взирая друг на друга, мерились силами. Зверь, который выдерживал взгляды всех сородичей, наносил удар первым.

– Ма... ма... – с трудом пробормотала Эрин, закашлявшись от воды в легких. – Веревка...

Соён попыталась поднять кисти как можно ближе к поверхности. Девочка перевела дыхание, потом сделала глубокий вдох, набрала в рот воздуха и нырнула.

Веревка оказалась толстой. Соён, как могла, развела руки в стороны и сильно натянула путы, чтобы Эрин было проще их перерезать. Кинжал, конечно, был острым, но девочке не хватало ни сил, ни воздуха... Потребовалось несколько попыток, чтобы появился надрез, –

веревка наконец начала поддаваться, и Соён что есть мочи потянула руки и освободилась. Она крепко обхватила дочь и вытащила ее из-под воды – Эрин снова закашлялась.

– Спасибо... спасибо... – шептала Соён, все еще прижимая девочку к себе.

– Но еще ноги...

– Знаю. Дальше я сама. Давай кинжал.

Эрин передала клинок матери, и первым делом Соён огляделась. Поведение тодов изменилось: они закончили мериться силами. Времени на веревку не было. Через несколько мгновений кто-то из них нанесет удар.

Женщина понимала: с такой раной на животе ей самой уже не спастись, но вот Эрин... Соён с самого детства учили, что эта техника – часть Запрета и ее нельзя использовать даже во спасение жизни. Она рисковала навлечь на мир страшную беду. Смерть за такое стала бы ничтожной платой.

Соён посмотрела на дочь, на ее мокрое то ли от воды, то ли от слез лицо – и все сомнения разом испарились.

– Эрин, – прошептала она, крепко обняв девочку, – то, что я сейчас сделаю, ни в коем случае нельзя повторять. Это тяжелейший грех.

Эрин явно не понимала, о чем говорит мама, и только удивленно смотрела на нее.

Соён улыбнулась и обеими руками обхватила дочку за голову.

– Живи счастливо, – прошептала она.

Затем отбросила кинжал, вложила в рот пальцы и что есть силы свистнула.

Высокий звук разрезал воздух, и тоды вдруг остановились. Они застыли – не в оцепенении, как от флейты, а будто в ожидании следующей команды. Чудовища пристально смотрели на Соён.

– Что происходит? Чего она творит? – нахмурился посланник, обратившись к деду Эрин. Тот лишь покачал головой:

– Понятия не имею. Кажется, она делает это без флейты...

– Тогда почему звери остановились? Они и простому свисту подчиняются?

Дед побледнел:

– Нет, это невозможно... Диким тодам даже звук флейты не указ...

Свист Соён становился то высоким, то низким, превращаясь в сложную и странную мелодию. Тоды, будто натасканные охотничьи собаки, казалось, внимательно ее слушали и вдруг все разом поплыли к женщине.

Эрин вскрикнула – на расстоянии вытянутой руки из-под воды возникла огромная голова. Грива чудовища, напоминавшая морскую траву, задела лицо девочки, и в нос ей ударил сильный запах: как от рыбы, но сладковатый.

Вдруг мама крепко схватила дочь за подмышки:

– Эрин, садись на спину и хватайся за рога!

Девочка не понимала, что происходит, но повиновалась матери и оказалась на склизкой спине ближайшего тода.

– Жыми туловище ногами! И ни за что не отпускай рога! – крикнула Соён и снова свистнула.

Зверь тут же сорвался с места и с безумной скоростью поплыл прочь, унося на себе девочку. Она чувствовала, как под ней извивается мощное тело.

– Мама! Мама! – Эрин повернула голову к Соён, не отпуская рога.

– Уходи! Не оборачивайся! Иди!

Через секунду тоды одновременно бросились к матери, и она исчезла в их кольце.

– Мама! Мама! – Крики девочки заглушал шум воды.

Она попыталась слезть с ящера, но слизь оказалась липкой – одежда девочки приклеилась к чешуе хищника намертво.

Ящер плыл на запад, пересекая один водоем за другим, поворачивая то вправо, то влево, ничуть не сбавляя скорость.

За спиной Эрин осталось все, что она знала: мать, родная деревня... Впереди расстилась лишь бескрайняя серая гладь воды.

4 Дух зверя

Темные ветви деревьев рисовали на звездном небе причудливые узоры.

По лесу быстро шагала девочка. К груди она прижимала охапку валежника. На путнице была бледно-зеленая накидка с капюшоном, который почти целиком скрывал ее лицо, – из-за этого девочка сама казалась зверенышем, слившимся с лесом.

Вдруг она услышала тихий, но ясный звон колокольчика и остановилась. Парившие вокруг желто-зеленые светлячки стали собираться вместе, принимая неясный силуэт. Всего на мгновение они соединились – перед путницей возникла птица.

«Дух!» – догадалась девочка.

Дух обогнул несколько деревьев, ненадолго устроился у нее на плече, а затем спустился к земле – и то, что раньше казалось всего лишь тенью от дерева, в мерцании светлячков превратилось в лежавшую на земле фигуру.

Птица вдруг разделилась на тысячу огоньков, которые окружили тело со всех сторон. Еще через мгновение они вновь собрались вместе – у головы, между ветвистыми рогами, – а потом исчезли, передав фигуре свое свечение. Поначалу она показалась девочке то ли мужской, то ли женской... Но теперь путница видела: ноги существа вообще не были человеческими.

Прежде закрытые глаза внезапно распахнулись – они оказались ярко-желтыми, почти золотыми, – взгляд их остановился прямо на девочке.

Она вздрогнула, но, собравшись с силами, положила ветки на землю, опустила на колено, закрыла глаза и напрягла слух.

Дух открыл рот – из него полился многоголосый звон, будто сразу от десятков колокольчиков. Вскоре эти трели слились в одну мелодию, похожую на человеческую речь. Девочка слушала, затаив дыхание.

Через некоторое время звуки умолкли. Светлячки вновь возникли у головы фигуры, между рогами. Девочка только и успела, что моргнуть, а существо уже растворилось в темноте.

Путница наконец выдохнула. Она стерла со лба пот и, забыв о валежнике, бросилась бежать по лесу, повторяя про себя слова духа.

Глубоко в лесу, там, куда не заходили даже охотники, лежало ущелье. На одном из его склонов по скале ползла узкая трещина, скрытая папоротниками и кустарником. За незаметным входом располагалась удивительно просторная пещера – она напоминала каменные кельи, но была совершенно сухой, без воды.

В стенах зала имелось семнадцать проходов, занавешенных плотными тканевыми шторами. За каждой из них находилась жилая комната, освещенная свечами и застеленная коврами, которые были сотканы так плотно, что не пропускали влагу.

Девочка, запыхавшись с дороги, пролезла сквозь трещину в скале, остановилась в центре зала и издала свист, похожий на крик птицы.

Звук отразился от стен пещеры и разнесся по всем семнадцати комнатам – занавески отодвинулись, и в зал начали выходить люди: и пожилые и молодые, и взрослые и совсем еще дети – но все как один высокие и зеленоглазые.

К девочке, стоявшей в центре зала, шагнула седая женщина в возрасте.

– Что стряслось? – тихо спросила она.

– Я... встретила духа... Кажется. С рогами. Он говорил со мной.

Люди слушали, затаив дыхание.

– Но как?.. Выходит, в этих лесах до сих пор обитают духи? Мне казалось, они давно ушли... – прошептал кто-то в толпе.

Женщина повернулась к говорившему – тот сразу замолчал.

– Продолжай, – строгим голосом обратилась она к девочке.

– Дух передал... Ну... – начала она.

Ее голос дрожал, девочке пришлось сжать кулак, чтобы успокоиться.

– Я никогда прежде не общалась с духами. Поэтому не знаю, правильно ли его поняла, и прошу за это прощения. Он сказал: «Ведающий Технику применил ее. Кто-то усмирил тодов свистом».

Лицо старухи окаменело. Она медленно повернулась к ближайшему старейшине, и тот поманил остальных, стоявших у него за спиной. Вместе они встали в круг.

– Больше дух ничего не сказал?

Девочка побледнела:

– Нет, это все.

Женщина кивнула:

– Ты молодец, что услышала... Можешь идти. – Затем она повернулась к людям, ждавшим позади: – Совет старейшин обсудит эту весть. Мы сообщим о своем решении, а пока возвращайтесь к себе.

Жители пещеры поклонились и разошлись, и теперь в зале остались одни старейшины. Они уселись в круг на ковре, лежавшем в центре помещения.

– Судя по тому, что использовали свист, Запрет, скорее всего, нарушила Соён.

После этих слов другая женщина – на вид ей было лет шестьдесят – склонилась к полу и коснулась его головой:

– Простите, что воспитала такую дочь. Это целиком моя вина.

Старейшины молча наблюдали за ней, пока пожилая женщина, пару минут назад общавшаяся с девочкой, не заговорила вновь:

– Соён умная девушка, добрая сердцем... И сильная. Как же так вышло, что она применила Технику?..

– Для начала нужно понять, что вообще случилось, – заговорил другой старейшина. – И почему она использовала свист. Пошлем туда лазутчика.

Остальные старейшины закивали.

– И как можно скорее, – мрачно добавил другой. – Если Соён сделала это при свидетелях... И те увидели, что она способна контролировать тодов, слухи обязательно дойдут до арухана. Весть станет для него красной тряпкой: он примется нас искать, чтобы мы подчинили ящеров.

Старейшины согласились.

– Надо передать всем нашим, чтобы укрылись. Пока не знаем, что именно произошло, следует соблюдать осторожность.

Лазутчик вернулся из деревни, где жила Соён с остальными слугами тодов, через четыре дня. Старейшины задумчиво слушали его доклад и не перебивали.

– Значит, ее уже казнили... – пробормотала старшая из женщин.

– Ее смерть... была ужасной, – с трудом произнес разведчик, сжав зубы. – Посланник князя, похоже, испугался, что его обвинят в бездействии, поэтому судил Соён за умышленное убийство тодов. Приговором стала казнь...

Мужчина прежде все время смотрел вниз, но теперь поднял лицо.

– По совпадению виновницей ее, скорее всего, нарекли справедливо. Я тайно осмотрел тела ящеров: их слизь изменилась. Похоже, подошел сезон спаривания.

Старейшины нахмурились – они сразу все сообразили. Одна из женщин печально кивнула:

– Соён не могла этого не заметить. Она знала, что скоро тоды пробудятся, но все равно дала им отвар. Понимала, что тот окажется ядовит для Клыкков...

– Она защитила Запрет, – сказала другая старейшина, обратившись к матери Соён. – И осталась верна семье. Соён осознавала, что гибель тодов приведет к ее казни, но все равно позволила им умереть, чтобы не выдать секрет.

Мать Соён не ответила – только беззвучно плакала.

– Однако перед лицом смертельной угрозы для дочери она все же не выдержала и в последний момент поддалась чувствам...

После этих слов в зале повисла тишина. Совет еще долго молчал, пока наконец не заговорила старшая из них:

– Где сейчас дочь Соён?

Разведчик покачал головой:

– Насон пытается ее отыскать, но в тех местах много протоков – трудно понять, какой из них выбрал ящер, увезший на себе девочку. К тому же неясно, как долго десятилетний ребенок мог продержаться на спине тода...

Лазутчик замолчал. Старейшины закрыли глаза и опустили головы, и мужчина последовал их примеру.

Откуда-то издали раздался крик одинокой ночной птицы. Как только он стих, разведчик вновь заговорил:

– Мне очень жаль Соён и ее маленькую дочь, но есть и одна хорошая весть: посланник оказался трусом.

Старейшины попросили мужчину продолжить.

– Он боялся, как бы произошедшее не запятнало его имя, поэтому строго-настрого приказал всем слугам тодов молчать, что Соён была из ариё. Я слышал, как деревенские обсуждали это между собой.

Все собравшиеся заметно расслабились.

– Ясно. И впрямь хорошая весть, – заключила старшая из женщин. – Тогда слухов о том, что Соён применила Технику, можно не ждать.

Лазутчик кивнул:

– Да, похоже, обошлось.

– Спасибо за труды. Теперь нужно внимательно наблюдать за посланником. Не так важно почему, но Запрет был нарушен, и это все еще может обернуться тяжелыми последствиями. Нельзя, чтобы наша Техника вновь привела к трагедии. Предки, воплотившись в том духе, предупредили нас об опасности, и теперь мы не должны допустить, чтобы из-за одной нити распустилась вся ткань, – произнесла женщина и затем тихо добавила: – Даже если слухи не дойдут до арухана, наше появление само по себе может вызвать в народе лишние толки. Думаю, лучше покинуть эти земли и скрыться в горах... Пока все не утихнет.

Старейшины молча согласились.

Глава 1 Пасечник

1 Ребенок на берегу

На берегу озера, залитого утренним солнцем, цвело большое дерево саро. Ветви с белыми цветами, похожими на хлопок, нависали прямо над водой.

Дзиён, поглаживая седеющую бороду, с улыбкой наблюдал, как пчелы кружили над кроной. Год обещал быть удачным – Дзиён рассчитывал собрать много ароматного меда.

От озера повеяло слабым ветерком – он принес с собой запах цветов и поднял на воде рябь.

Дзиён двинулся вдоль берега, чтобы проверить остальные деревья, но вдруг заметил нечто странное и застыл. Птички с желтыми клювами сустились у кромки воды: они пищали и взмывали вверх, а затем пикировали вниз на какой-то ком грязи.

– Что там?

Мужчина вдруг понял: под грязью лежит человек.

– Утопленник, бедолага...

Но тело показалось Дзиёну слишком маленьким – неужели перед ним был ребенок?

– Вот тебе и доброе утро. И что делать?..

Пасечник жил слишком далеко от деревни, чтобы позвать кого-нибудь помочь с погребением, но и оставить несчастного лежать на берегу не мог – тем более ребенка.

Собравшись с силами, Дзиён подошел к телу – в нос ударил сладковатый запах мускуса. Мужчина сразу окинул взглядом побережье: рядом что, были тоды? Но поверхность воды оставалась спокойной, и на близость хищников ничего не указывало.

И все же девочка насквозь пропахла этими страшными ящерами. Дзиён наклонился к ней и рассмотрел поближе: с ног до головы ее облепила глина, из-за чего тело казалось кукольным. Пасечник, однако, смог рассмотреть бледное лицо – на него грязь почти не попала.

– Бедняжка, совсем еще кроха... – скривился он от горечи.

Веки найденыша были сомкнуты, но рот оставался чуть приоткрыт. К ее губе пристала травинка... И эта травинка вдруг шелохнулась!.. Дзиён не поверил своим глазам, и все же он не ошибся – травинка едва заметно подрагивала.

Мужчина припал ухом ко рту девочки и услышал слабое дыхание.

– Жива! – вскрикнул он.

Дзиён стал хлопать ее по щекам, трясти за плечи.

– Эй! Очнись! Слышишь меня?! Ты как?!

Она издала какой-то тихий низкий звук, приоткрыла глаза... однако веки сразу опустились.

– Ну и угораздило же тебя!

Дзиён осторожно поднял ее на руки. Девочка была без сознания, вся окоченевшая, но нести ее это нисколько не мешало.

Эрин почувствовала, что все тело обьяла теплая вода, и очнулась. На руках и ногах остались порезы, и теперь они пощипывали.

Кто-то придерживал ей голову и мыл волосы. Одежда почему-то все еще оставалась на ней. В спину упиралось что-то твердое.

– О, проснулась?

Эрин подняла глаза и увидела рядом незнакомого человека. Девочка моргнула и ощупала рукой то, что было за спиной, – кажется, какая-то доска.

Мужчина улыбнулся:

– спине больно? Извини, но ванна у меня маленькая, целиком бы ты туда не поместилась, поэтому пришлось наполнить водой лодку. Для начала тебя надо отмыть – из-за грязи не понять, ранена ты или нет.

На Эрин вдруг навалилась усталость – она даже не смогла ответить. Девочка закрыла глаза и провалилась в сон.

Когда Эрин вновь очнулась, снаружи уже вечерело. В комнате она лежала одна, вокруг стояла полная тишина. Девочка посмотрела на потолок, и он показался ей каким-то чудным: будто сплетенным из тонких веток. В лучах закатного солнца, окрасившего одну из стен в оранжевый, медленно кружились мелкие пылинки.

Тело Эрин горело. И стоило ей прикрыть глаза, она вновь провалилась в забытие.

Девочка видела кошмары. Один за другим: брызги воды, извивающийся прямо под ней змей, и этим ужасам не было конца. Тело покачивало тут и там.

Ей слышались последние слова матери, а затем та исчезала в кольце тодов. Сцена раз за разом крутилась у нее в голове – и все сжималось, от живота до самой груди. Что-то будто бы пожирало ее изнутри, и даже стонать, даже дышать становилось невыносимо.

Внезапно Эрин ощутила приятную прохладу – кто-то положил ей на лоб большую ладонь, а другой рукой гладил по плечу.

– Все в порядке. Это сон, всего лишь сон. Все хорошо, – произнес спокойный низкий голос, и кошмары потихоньку отступили.

Дзиён мокрым полотенцем вытирал пот со лба девочки и внимательно смотрел на ее лицо: щеки сильно покраснели, она прерывисто дышала ртом.

Недавно бедняжка плакала во сне – наверное, увидела кошмар, – но уже успокоилась. За целый день и целую ночь она так ни разу полностью и не очнулась.

Девочку лихорадило – Дзиён пытался сбить жар целебным отваром из стеблей бамбука, но проглотить его та не смогла. Наверное, лекарство было слишком горьким.

За все это время он сумел напоить ее только соком из плодов дерева карим, смешанным с холодной водой, медом и драгоценным табчим – маточным молочком. Она много потела, поэтому Дзиён продолжал давать девочке этот напиток.

Ей едва ли исполнилось десять, и пасечник сомневался, справится ли детский организм с такой сильной лихорадкой. С другой стороны, табчим самую обычную рабочую пчелу превращал в королеву, и Дзиён молился, чтобы молочко и мед спасли жизнь девочки.

Но тяжелее всего мужчине было выдерживать ее плач – тот не был похож на хныканье ребенка, который не может отыскать своих родителей. Стоны девочки будто бы исходили из самой глубины ее души – услышав их, Дзиён начинал задыхаться. Казалось, малышка прошла через неподдельный ужас.

– Что же с ней стряслось...

Платье ее заметно отличалось от того, что носили местные. Оно скорее напоминало наряды ваджияку – народа, жившего под властью арухана к востоку отсюда. Только вот до его земель было три дня пути на лошади. Как девочка очутилась здесь? И что случилось с ее родителями? И наконец, почему она с ног до головы оказалась перепачкана? Кроме того, ее руки и ноги, там, где одежда их не защищала, были испещрены порезами – они тоже вызвали вопросы.

Как и еще одна вещь – цвет глаз. Девочка открывала их всего пару раз, но Дзиён заметил зеленую радужку.

– Может, в ней течет кровь ариё...

Похоже, спасенный ребенок сулил ему большие неприятности.

– Раз уж я ее нашел, буду просто надеяться, что она выкарабкается... – тяжело вздохнул Дзиён.

Раны, в которые попала грязь, начали опухать, и сильнее всего он боялся, что через один из порезов в организм попала инфекция столбняка. И если нагноение он еще мог вылечить, то бороться со столбняком уже был не в силах.

Сидеть сложа руки пасечник смысла не видел, поэтому все-таки взялся обрабатывать гноиники. Подперев рукой подбородок, Дзиён решал, как правильнее лечить пациентку:

«Попробовать или нет? Средство мощное, но может навредить. Даже у взрослых иногда вызывает жуткие покраснения и отеки. Случалось, люди задыхались и умирали... Стоит ли давать такое ребенку?»

В этот момент девочка приоткрыла глаза. Ее губы зашевелились, и Дзиён решил, что она хочет пить.

– Вот так...

Одной рукой он аккуратно приподнял ее голову, а другой взял стакан с соком, поднес ей ко рту и стал медленно наклонять – она понемногу начала пить.

– Вкусно?

Девочка чуть кивнула.

Кажется, она пришла в сознание, хотя бы частично.

– Тебя когда-нибудь жалили пчелы?

Она посмотрела на Дзиёна мутным взглядом и помотала головой.

– Нет, значит? Уверена?

Девочка кивнула и снова закрыла глаза.

Мужчина встал, взял из шкафа восковую свечу, зажег ее и направился на улицу.

Снаружи было прохладно. С крыши дома свешивалась сухая трава хасака – она славилась своей удивительной маслянистостью. Дзиён нарвал ее и поджег – поднялся густой дым. Мужчина обошел дом и оказался в небольшой рощице. Там стояли ульи. Дзиён легонько постучал по крышке ближайшего. Потом снял ее и поводил рядом тлеющей травой, чтобы дым попал внутрь.

Когда жужжание стихло, Дзиён заглянул внутрь, осторожно достал оттуда пару пчел и посадил их внутрь бамбуковой трубки.

– Простите, что помешал, – прошептал он, закрыл крышку и вернулся домой.

Там он достал пчел из трубки и бамбуковыми щипцами отделил от телец жала – их он оставил рядом на куске ткани, а пчел спрятал обратно. Пасечник сложил руки в молитве.

Этим трудягам не суждено было выжить. Да, кому-то они могли показаться всего лишь маленькими насекомыми, но Дзиён каждую из них считал своим сокровищем. Он сожалел об утрате, однако выбора у него не оставалось.

– Что ж...

Дзиён вернулся к девочке, убрал одеяло и принялся осматривать порезы. Сильнее всегогноились раны на подколенных сгибах.

Мужчина нахмурился: он уже видел похожие травмы – у наездников, но на ногах девочки были не натертости, а именно порезы.

Взяв в руки жальце, Дзиён начал аккуратно прокалывать им кожу в тех местах, где появились припухлости. Он вводил его неглубоко и быстро вынимал, чтобы в организм не попало слишком много яда. При каждом уколе девочка кривила лицо и на секунду распахивала глаза, но тут же снова их закрывала.

Наконец Дзиён довершил дело и устало вытер пот со лба:

– Уфф... Надеюсь, поможет.

Рядом с кроватью своей пациентки он поставил заготовленный отвар из фарана – целебной травы, которая помогала ужаленным, – и приготовился дежурить всю ночь. Если к утру лихорадка спадет, девочка точно поправится.

Эрин проснулась от пения птиц.

В комнату, где она лежала, с улицы задувал слабый ветерок – с собой он приносил запах мокрой травы и утренней росы. От кошмаров не осталось и следа, и теперь девочка отчетливо видела все вокруг.

Она медленно повернулась и заметила рядом с кроватью немолодого мужчину. Тот сидел на полу, свесив голову, скрестив ноги, сложив руки на груди, и спал. Под тяжестью головы он всем телом медленно клонился вниз, но потом вздрагивал, поднимал ее и снова начинал опускаться. Глаза он при этом не открывал.

Эрин лениво наблюдала за его кивками. Должно быть, он очень устал. С каждым разом его голова оказывалась все ближе к полу, пока с громким стуком не ударилась о доски, – мужчина тут же открыл глаза и застонал. Он огляделся, силясь понять, что вообще произошло, и Эрин не сдержала смехок. Она понимала, как это невежливо, и попыталась прикрыться рукой, но это не помогло.

– Так ты умеешь смеяться! – воскликнул он и рассмеялся сам.

Незнакомец был крупным, носил бороду и напоминал медведя. Эрин не сомневалась, что видит его впервые, но ничуть не испугалась – наверное, из-за добродушного хохота.

Скоро он перестал смеяться и присмотрелся к девочке:

– Похоже, хворь отступила. Выглядишь уже гораздо лучше. А чувствуешь себя как, нормально?

Эрин коротко кивнула.

– Хорошо... Дай-ка взгляну на твои колени.

Он убрал одеяло в сторону, и Эрин увидела, что ее одели в огромную рубашку. Кисти девочки лишь едва-едва выглядывали из-под рукавов, хоть те и были подвернуты. Наверное, это был верх от пижамы мужчины, и тем не менее Эрин могла завернуться в вещь целиком.

Незнакомец осмотрел порезы на ногах и облегченно выдохнул:

– Припухлости спали. Значит, быстро пойдешь на поправку, – заключил он и снова накрыл ее одеялом. – Теперь можно не волноваться. А ты, смотрю, под счастливой звездой родилась: буквально вернулась с того света.

Эрин вдруг вспомнила, что произошло с матерью – как та исчезла в кольце тодов. От живота и до самой шеи девочку пронзила острая боль, к глазам подступили горячие слезы.

«Мама...»

Она хотела вновь ее увидеть.

«Мама, мама, мама...»

Эрин сжалась в клубок и заплакала.

Почти сразу ей на спину опустилась рука – та же, что спасала ее от кошмаров.

– Все в порядке, поплачь, – сказал мужчина. – Со слезами уходит печаль. Рано или поздно тебя покинет вся горечь, и ты позабудешь о том, что причиняло боль.

Девочка задумалась над его словами. Насколько правдивыми они были? Если выплачет все слезы, это тяжелое чувство исчезнет? А вдруг она тогда вовсе забудет о маме?..

Эрин с силой зажмурилась – забывать маму совсем не хотелось. Но слезы никак не останавливались. Пытаясь их сдержать, Эрин сделала глубокий вдох и сжала зубы, но на выдохе закашлялась.

Мужчина похлопал по одеялу.

– Эй-эй, не надо им мешать. Нужно выплакать все, что накопилось.

Эрин помотала головой, схватила подушку и зарылась в нее лицом.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил он.

– Плакать... не хочу... – с трудом ответила Эрин.

– Почему? – удивился мужчина.

Она не ответила и только сильнее вжалась в подушку. Мужчина на секунду задумался и, похоже, решил оставить девочку в покое – в итоге он поднялся и вышел.

Эрин слышала, как незнакомец возился на кухне, и скоро слезы прекратились. Убрав подушку, она попыталась привстать, но у нее тут же закружилась голова – пришлось лечь обратно.

Эрин испугалась, что ей не полегчает, но страхи были напрасны: она быстро почувствовала себя лучше, хотя дурнота так и не спала. Во всем теле ощущалась слабость, голова болела, руки тряслись.

Вытерев лицо, девочка принялась наблюдать за мужчиной: согнувшись над каменной печью, тот ловко орудовал металлическими палочками и, кажется, что-то жарил. Входная дверь была открыта, и белое утреннее солнце освещало обе комнаты. Ветер задувал с улицы, пролетал через кухню, подхватывал ароматы и нес их к девочке.

Живот Эрин заурчал – только теперь она поняла, насколько проголодалась. Девочка постаралась вспомнить, когда в последний раз ела: оказалось, еще дома у Садз. Неудивительно, что в животе было пусто.

Немного погодя мужчина вернулся с кухни с двумя деревянными мисками и остановился у кровати.

– Пора завтракать. – Он отставил тарелки в сторону и, подсунув руку Эрин под спину, помог ей подняться. – Сидеть можешь?

Девочка кивнула. На этот раз голова не кружилась – возможно, потому, что Эрин усадили очень плавно.

– Отлично. Теперь сможешь есть сама.

Он передал ей теплую тарелку – Эрин глянула в нее и ахнула: девочка ожидала увидеть вареный рис, но в миске оказалось что-то, похожее на обжаренные моти, политые сверху золотистым медом и молоком. Эрин осторожно откусила кусочек, и во рту разлилась сладость.

– Нравится?

Эрин быстро закивала в ответ, и мужчина улыбнулся:

– Еще бы! Мои драгоценные пчелки делают лучший мед в стране!

Мед считался дорогим продуктом, поэтому Эрин ни разу его не пробовала. Тот оказался гораздо слаще и ароматнее всего, что она ела до сих пор.

Девочка сосредоточилась на пище. С каждым кусочком она чувствовала, как по телу расходится тепло.

– А как это называется? – спустя несколько минут спросила Эрин, указав на то, что поначалу приняла за моти. Она уже насытилась, и теперь ей стало интересно, какое же перед ней блюдо.

Мужчина на секунду задумался.

– Это фако, злаковая бездрожжевая булка. Их здесь часто едят. Собирают зерно, перемалывают в муку, смешивают ее с водой и запекают – получается такой ароматный хлеб. Вкусно?

Эрин кивнула.

– А ты чем обычно завтракаешь? – мягким голосом поинтересовался мужчина.

– Рисом и бульоном... – тихо ответила она.

– Ясно... Значит, ты из ваджияку. Вотчина арухана больше, чем владения ёдзэ, там есть все условия, чтобы выращивать рис: и земли, и реки...

– Так здесь... правит не князь? – испуганно спросила девочка.

– Мы сейчас в провинции Сантор, у восточной границы королевских земель. Здесь гористая местность, пшеница растет лучше, чем рис. Вот и питаемся фако, – улыбнулся мужчина. – Выходит, даже не знаешь, где оказалась? А где родители, помнишь?

Эрин застыла. Она почувствовала, как подступают слезы, поэтому прикусила губу и молча помотала головой. Девочка боялась, что если откроет рот, то расплачется.

– Значит, у тебя никого нет? – все так же мягко спросил мужчина, и Эрин, опустив взгляд, кивнула в ответ.

Ее спаситель выглядел обеспокоенным.

– С ними что-то произошло? Как ты оказалась в озере? И почему вся была в грязи?

Эрин промолчала. Она боялась рассказать о том, как казнили ее мать, как один из тодов вез ее на спине целый день и целую ночь, как она упала и оказалась в воде.

Мужчина тяжело вздохнул.

– Ладно, не рассказывай, если не хочешь. Но давай хотя бы познакомимся. Я Дзиён. А тебя как звать?

Эрин покраснела: мужчина спас ее, выходил, накормил завтраком, а она не отвечала на его вопросы и до сих пор не представилась. Девочка торопливо вернула фако на тарелку, выпрямилась, подогнула ноги под себя, хоть колени еще и болели, сложила руки перед собой и поклонилась.

– Меня зовут Эрин. Большое вам спасибо за то, что спасли меня.

Дзиён улыбнулся:

– Эрин, значит? Прямо как сорт диких яблок, которые растут в горах. Красивое имя.

Теперь, когда Дзиён увидел, как достойно повела себя такая маленькая девочка, в его голове возникло еще больше вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.